

ЧЕЛОВЕК. КОТОРЫЙ ВХОДИТ В КОМНАТУ

АВТОР
УЛЬЯНА ОРТИЗ

18+

Ульяна Ортиз

**Человек, который
входит в комнату**

«Автор»

2025

Ортиз У.

Человек, который входит в комнату / У. Ортиз — «Автор», 2025

Обретая смысл жизни, ничего сильно не меняется, только грустишь чуть меньше и открываются практически все двери.

Содержание

Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ульяна Ортиз

Человек, который входит в комнату

Обретая смысл жизни, ничего сильно не меняется, только грустишь чуть меньше, и открываются практически все двери.

Интро

Так красиво.

Небо переливается разноцветной дымкой, смешивая между собой закат и рассвет. Нет ни деревьев, ни пения птиц, лишь вдали виднеется граница света и тьмы, и я вижу, как рождаются тени...

Мне так хорошо...

Я стою в цветах, посреди бесконечного поля маков...

Но кто-то хватается меня за запястье, тащит вперёд и кричит:

- Умножить или разделить боль? Мисс delete, они так и не ожили, но ты их полюбишь, полюбишь, полюбишь. Смотри. Мои куклы. Мои сломанные куклы. Ты их полюбишь, полюбишь, полюбишь. Ох, если бы ты знала, как быстро они придумывают лекарства от боли и сразу ломаются. Твои линии губ, мисс delete... Мне нужен один поцелуй, чтобы... Это не твои 22 жизни. Почему ты ещё здесь? Ты могла уйти. Твои линии губ, мисс delete... 22 смерти и 22 жизни, которые я хочу попробовать на вкус. Всего один поцелуй. Ох, если бы ты только знала, ох, если бы ты знала... сколько им нужно слов, этим куклам нужна петля слов, этим куклам нужны барбитураты слов. Ох, если бы ты полюбила их, если бы ты полюбила, они бы стали, они бы стали... Бессмертные, бессмертные, бессмертные...

Он остановился, кинул пакет к моим ногам... И прошептал на ухо:

– Мисс delete... Ты моя... Карма... Карма... Карма. Твоя тонкая, тонкая шея, задушить музыку от времени, от времени, от времени. Мисс delete. Смотри мне в глаза. Не отводи. Не отводи. Не отводи взгляд.

Его руки обвили мою шею.

Он. Он. Он. Он. Заставил смотреть прямо в глаза. Там я раздевалась, словно снимала свою кожу.

– Мисс delete, за всё нужно платить! За всё! Видишь этих людей, они продали свою душу и души своих любимых за один билет.

- Ты мне сегодня заплатишь?

– Я принёс голову гончего пса. Ты не хочешь узнать, как это случилось?

– Нет.

– Какой я по счету?

– Цифры, словно лужи, что высохнут вместе с тобой в самый жаркий день.

– Мне нужен один поцелуй. Я принес тебе душу, но сейчас она слегка воняет. Мне нужен один поцелуй.

- Ты – номер на моём запястье.

– Да, мисс delete, они думают, что я свежавал и Бога, и Дьявола. Ни одна сука не устоит перед этой кожей. Безупречно. Я всё отдал, мисс delete. Я всё отдал за... И они протирают лоб от кайфа. Посмотри. Бессмертное место. Бессмертное место, мисс delete. Но эта вонь! Словно гончий пёс притащил кусок сгнившей плоти. Он хотел всё и сразу. Такой худой! Я нашёл его голову, когда солнце проснулось на западе... он ждал, мисс delete, ты же знаешь, как это – ждать, когда тебя всего лишь перелистнут. Этот гаденыш запрыгнул в поезд без билета, и острое лезвие сотворило солнечного зайчика. И потекла кровь, миа кульпа. Забыть, кто ты, – это тоже выбор. Пёс срыгнул в лицо смерти за ничтожный шанс... Миа кульпа. Нет ни веры, ни судьбы, ни даже чертовой плоти. Есть лишь дорога в никуда, прикрывающая весь этот сучий стыд. Я вижу, как твоё тело горит. Когда ты с ним встретишься?

- Когда ты меня разбудишь?

– Помнишь мисс delete? Это всего лишь сон, ты и я это знаем. День полностью сгорел. Пепел в стакане тёплого молока. Смирительная пижама с милыми тошнотворными бабочками. Твои округлившиеся глаза – два солнца. Два солнца, забытые в бесконечном доме. Они так красивы... Так красивы. Так красивы. Помнишь, что говорила твоя мама, когда избавлялась от музыки? Моя девочка, их сердце спокойнее мыслей, их сердце устало быть быстрым. И курила. Постоянно курила. Ты только моя девочка, ведь ты приехала в тот грязный, дешёвый, зассанный бар за 1224 км от дома, с этим кретином под номером 1. Мисс delete, ты задала всего один вопрос: – когда вернётся отец? Что она сказала прежде чем упала на барную стойку?

- Ты – это мой сон в тысячу лет. Тело словно из сахарной ваты.

- Да.

- Мисс Delete, твой отец – это последний опиумный сон женщины, которая забыла, кто она и где она.

– И что дальше?

– Кретин номер 3, мисс delete, у которого ты тоже вырвала сердце...

- Вместилище, а не сердце.

Он вытащил из мешка голову гончего пса. Его глаза были открыты. В них застыла всего одна слеза. И рассмеялся.

– Мисс delete, посмотри, он любит только тех, кто продаст подороже. Ты же знаешь, в скором времени и я окажусь на месте гончего пса. Почему я не могу тебя остановить? Умножить боль?! Моя девочка, ты так спешишь быть преданной. Слишком спешишь. Даже там, даже там... Нет ничего, кроме... Музыки. Музыка. Музыка. Эта музыка, мисс delete, – то, как ты произносишь его имя. Значит, можно, значит, можно жить. Ты заберёшь имя с собой, и музыка замёрзнет на твоих губах.

– Остался один вопрос.

– Да, мисс delete. Всего один. Смешно. Искать его повсюду, но так и не попасть в десятку. Сколько раз? Вслух. С самого детства ты называла город, что его прячет. Смешно. Столько же жизней ты слушала, как он говорит, что любит другую. Я жду, когда ты будешь умолять умножить боль.

– Ни за что.

– Давай, мисс delete. Избавь меня, избавь меня, избавь меня. Время – это обман. Точно такой же обман, как и имя. Но считать количество павших душ во времени – не обман. Избавь себя, избавь себя, избавь себя.

– Я жду лишь одного – уйти с ним вместе. Ответь, когда ты меня разбудишь?

– Когда я тебя разбужу, он скажет, что каждый день видит один и тот же перекрёсток, на котором стоишь ты.

– Я.

- Я – твой шанс увидеть вселенную, книгу мира.
- Книга падающих звёзд, что, сгорая, оставляют голоса на чёрной плотной бумаге. Книга, в которой нет слов, ибо читать её нужно чувствами.

Глава 1

Она смотрела на циферблат, стрелки медленно шли вперёд... Надо разделить границы. Эй! Нужно разделить границы! Поделить пространство на три плоскости, словно сейчас тебя нет здесь. Пересечение дорог и траектория огней: нужно делить пространство, словно кроликов, размножающихся в неведомой галактике со скоростью света. Эй! В пересечении дорог стоишь ты, дёргаешь ногой и заглядываешь в глаза прохожим. Ты отличный парикмахер, не считая того случая, когда ты задела ножницами кончик уха у бородатого парня. Тебе безразлична погода и то, что пальцы слегка замёрзли. Тебе нет дела до людей, за углом дома пекарня, аромат свежее испечённого хлеба напоминает детство. Не отвлекайся. На другой стороне дороги снова ты, на подоконнике спит трёхцветная кошка. Ты завариваешь ягодный чай под пластинку Рэй Воян, твоя нога поддёргивается, когда ты смотришь на часы. Ты ждёшь, когда сядет солнце, и твоя пропадающая душа будет обречена на сны. Ты сдалась, уже не планируя ни семьи, ни детей...

Твои волосы развеивает ветер. Маленькие светлые кудри развеивает тёплый ветер, ты представляешь, что это морской бриз, и улыбаешься пустоте. В кармане пальто письма и 22 доллара. Ты расставляешь по местам все мысли. Люди уже всё придумали, что такое жизнь, скопировали ДНК, слетали на Луну и поставили там палатки, усовершенствовали банки, а программы покупают и продают искусство. Всё, что тебе остаётся, – закрыть дверь, изобретённую до нашей эры, и плестись в квартиру на окраине Праги. Девочка, выбирайся отсюда, здесь никто не даст больше 22-х долларов за свободу, этот ветер и немая проститутка у бара, где ты работаешь, утвердили цену. Стоит соединить перекрёстки, будто эта точка сплетения прошлого и будущего, будто эскалаторы (движущиеся в разном направлении) в большом торговом центре, или ноги танцовщицы, готовой на всё ради 22-х долларов. Что можно купить на эти деньги? Ничего, кроме еды.

Она сжала в кармане деньги и направилась к перекрёстку.

– Когда человек умирает, часы останавливаются.

Сегодня один из посетителей запустил бутылкой в танцовщицу. Осколки посыпались, будто дождь, но этот кретин даже не вставал из-за барной стойки, словно то, что он сделал, – это иллюстрация из книги, словно голый вид танцовщицы в крови – лишь воображение, только его воображение. Полиции не было. Никому нет дела до проститутки, а слово «свобода» стало потёртым, будто плёнка старого забытого чёрно-белого фильма. Я точно знал, она не уйдёт с перекрёстка дорог, куда ей идти, пока я не перелистну страницу. Она разжала ладонь, наблюдая, как ветер играет с купюрами. Деньги унесло на одну из дорог, где стоял я... Невидимые паутинки, соединяющие экскаваторы. Прах – это пыль, а пыль – это ветер, принесённый из-под купола нашего иллюзорного неба. Моя девочка, ты переживаешь утрату, чувства словно выдернутые рифмы из стихов, но ты всего лишь плоть, обрётённая при рождении. Я считаю, тебе везёт, ты возрождаешься заново в огне, ты ведь хотела, чтобы родители подарили тебе младшую сестрёнку, и это случилось после Рождества: светлые волосы, милая улыбка, киношный эталон чувств, и она будет рядом всегда, согревая тёплыми разговорами и малиновым чаем. Отпусти край шахматной доски, ты не сможешь висеть на ней вечно. Девочка, время падать. Время менять обличия и сминать систему, словно фантики от синтетических конфет. Бітпейді іштегі сезімдер нан урсын. Ты закрыла дверь, но это не значит, что я уйду прочь. Ты только моя девочка, и ты останешься со мной навечно, под звуки блюза на окраине Праги. Ты не вернёшься назад, так же как и мои купюры, нашедшие новый дом, новое место на кладбище. Ты и я всего лишь люди, что не ценили смерть, каждая следующая секунда отсчёт от миллиона других, в которых никто и никогда не сделает правильный выбор. Потому что правильного выбора нет. Сравнивать можно только вкус картошки фри в разных странах, не больше. Она смотрела в мою сторону, прошло лишь 22 секунды. Внезапный дождь со снегом, звуки выстре-

лов, и пакет с логотипом автомастерской, что зацепился об ветви дерева, развивался, будто флаг. Мертвая девочка из России, с живыми глазами, которая знала, как правильно стричь, но никогда не смогла бы понять, как правильно жить. Эй! Не оглядывайся! На 4-й дороге стоишь ты. Наживка для безымянных людей, что правят этим балом. Кричи на себя, бей себя, но убедись, что ты ещё жива, что в твоей крови течет вкус теплого молока с пеной, выпитого в детстве.

Этот поезд спешит вдаль. Лёгкое головокружение. Час пик в метро и сотрясение мозга в час ночи. Крайняя всегда оказывается смертельной. Подземка. Воздух, забитый, словно дым в бутылке. Неотвратимые «степи» реальности. Гораздо приятнее, когда течёт кровь, чем рвущееся в клочья сердце, оттого что твоя собственная жизнь тебе не принадлежит. Что у меня есть!? Ничего. Я должен им за то, что это моё. За то, что я родился в этом мире. Должен всем, кто никогда не будет должен мне. В этом мире нет ничего моего. Кроме... Генри Миллер. 292 страница. Контракт, запечатанный кровью. «Под крышами Парижа». Я захожу в вагон и двигаюсь в самый конец... мимо пробегают световые огни туннелей. Мое лицо скрыто в тени капюшона. Меня клонит в сон... Смерть – это экстаз. Неведение, плавно перетекающее в агонию. То самое чувство, которое мы искали всю жизнь, ответ на главный вопрос, куда мы все движемся, зачем мы дышим в этом угольном городе, трубы и трупы. Рванный кашемировый пиджак и идеально выглаженные стрелки на брюках. Чертов сон. Тот мужик сказал, чтобы я взял зонт, он был прав. Бродяга, стоящий на входе, жёлтые гнилые зубы и отрезанное ухо. Он улыбался и указывал рукой путь через тоннель. Ты сдался, мужик. Из тебя получился поганый портье. Одно ухо – не такая большая цена. Тем более, я уверен, ты не был силен в хорошей музыке. Проливной дождь даже не думает останавливаться, его капли кремируют мои мысли, я становлюсь ближе к тебе. Всегда есть подвох. Мне так и не удалось быть дальше вытянутой руки. Глаза привыкли к темноте, но раскаты грома служат хорошей подсветкой. Светомызыка в аду. Мистеру смерть кто-то отказал в медленном танце? Это была ты? В моём кармане ответы на все вопросы. Путь к перрону по брусчатке из костей. Нас десятки, и все мы топаем вперед.

– И не вздумай нести эту чушь: «То, что очевидно мне, не очевидно другим».

Мы ожидаем поезда 512. Вдалеке виднеются горы, они знают каждого беглеца в глаза и смеются над их страхом. Запекшаяся кровь подходит лучше, чем цементная смесь для брусчатки. Какой толк от самозванцев, которым есть что предложить, но которые не в силах это отдать? Здесь слишком пасмурно, чтобы изучить место, но и детали нужны только беглецам... Или борись, или беги. Я не один из них. И ты не одна... Чтобы заработать билет сюда, нужно сберечь одну пулю. Чтобы попасть в поезд, нужно изъять в себе страх. Теперь ты понимаешь, о чем я? Даже преисподняя должна подчиняться правилам. Стоит нарушить одно, и... Дыши глубже, пока есть время. Каждый твой поцелуй обожжет солнце. Девочка моя. Ты задушила мою реальность, ты расстреляла её, ты уничтожила её, словно я оказался в сталинских временах, словно ты всегда знала, как это сделать. Я слишком много отдал... У меня есть свои правила, которые я не намерен нарушать даже в его доме. Всё время нужно идти до конца. И помнить, у меня есть билет, а не страх, которым пропитана дорога до перрона.

– Ты слишком много думаешь. Топай.

Брусчатка достаточно широкая, чтобы сделать выбор (хотя бы здесь он существует). Мне некуда спешить. Я уже знаю, что меня ждёт. Тот, кто в первых рядах, самоубийца. Пусть за спиной будут бешеные псы, с клыков которых стекают слюни, я сделаю шаг к ним, чем сойду с брусчатки, как эти трупы. Запомни. Я никогда не откажусь от тебя, только по этой причине я здесь. Проливной дождь даже не думает останавливаться. Всем надо попасть внутрь. Но места не хватит всем. Поезд 512 опаздывает. Проклятый поезд, будто ничего и не изменилось, я ждал в том мире и жду здесь. Мы должны уйти отсюда вместе. Я увижу тебя ещё раз, возьму тебя за руку, ты можешь не говорить ни слова, всё, что мне нужно, в твоих глазах. Твои глаза никогда

не обманывали, единственно правильный путь. Я слышу музыку колёс старого поезда. Раскатов грома становится больше, а людей всё меньше. Чуть позже беглецов выпроводят обратно. В мир, где раздают бессмертие, убогое, извращённое бессмертие. Стоит признать, мистер смерть обладает хорошим чувством юмора. Там ты думаешь об этом мире, здесь ты думаешь о том мире. Будто никто не может позволить себе роскошь жить "здесь и сейчас". Юные и наивные. Когда-то я тоже был подростком. Со всех голограмм и рекламных билбордов кричали: «Сделай свой выбор, парень», но я убеждён, выбора не существует, тот мир был другим, всё то же самое, кроме одной важной детали, смерть забирала людей. Естественная смерть – экстаз, и каждого из нас лишили этой привилегии. Наказание длинное, в сотни лет. Неплохой урок. Пожалуй, какой урок, такой и учитель. Кованые ворота из чисел и гримас страдающих людей, ни мёртвые, ни живые, стоит пересечь границу, и число меняется, статистика купленных билетов, нас считают и контролируют. Но мы с гордостью переходим рубеж и ожидаем поезд 512, многие здесь, дабы продлить контракт, их лицо и есть их душа... Они до тошноты уродливы. Мне нужно проснуться. Генри Миллер в моём рюкзаке. 292 страница. Контракт, запечатанный кровью. Полудрём. Этот поезд спешит вдаль. Этот поезд всего лишь игрушка в руках самого милого мальчика. Я обхватываю и сжимаю рюкзак как можно крепче. Женский голос сообщает название станции. Чёртов сон. Я уже внутри, никак не выбраться. Каждый, кто живёт здесь, время от времени испытывает боль, едкую, выжигающую грудь боль. Все. Но не ты. Коридоры застланы коврами с изображением войн. Рисунки на коврах меняются, стоит только обернуться назад. Я и без них знаю, люди никогда не извлекут уроков из истории. Лампочки мигают, будто отсчитывают минуты, которых здесь нет, их свет отражается от белых стен, и тени танцуют, как пламя свечи. Девочка моя, теперь ты видишь, я вернулся к тому, с чего начал. Ты ещё не родилась, но петля от пуповины стянула твою шею. Твоя первая борьба за жизнь. Видела бы ты себя, такая белая, но такая красивая... Пстой. Навстречу мне движется... Шапито. Куклы, пропитанные болью, они виляют бёдрами и громко разговаривают. Запахи разных парфюмов и женских тел перемешались между собой. Я слышу твоё имя. И следую за ними. Теперь станет теплее, но дышать будет нечем. Кто она?! И где ты? Угольно-чёрные волосы, покрытые мраком, как и её мысли. Мысли, которые невозможно прочесть. Цвет её глаз меняется так же быстро, как и времена года за окном поезда 512. Каждый день вместе? Что может измениться в человеке, который знал только боль? Ты изменила всё? Девушка без имени порхала возле тебя, будто бабочка, но не сгорела, пока что не сгорела...

– Кто-нибудь видел мисс delete?

– Нет, но я помню их разговор. Он облокотился на шкаф и...

– Облокотился на шкаф?! Этот шкаф изготовлен в Риге, вручную, на всю планету таких 27, и то большая часть из них уничтожена. Я давно думала его продать, но где найдёшь такой симметричный предмет. Шкаф, куда можно спрятать целую империю. Утончённый, изысканный, помпезный. Когда я смотрю на него, то оказываюсь во Франции в 80-х, а когда открываю, то вижу сталинскую Россию 40-х. Да и вообще, неужели они не нашли лучшего места, чтобы поставить точку?

– Он просил ее.

– Просил? Не смейся! Он только и умел, что опустошать бар и приказывать.

– Она была покорной. Как иначе?! Все знают, как сильно она его любила.

– Мисс delete его не любила. Она ждала ответа всего на один вопрос.

– А разве нужен ответ? Когда разваливается дом, причины нет. Это время. Поезд 512 – наш дом. А она всего лишь инструмент.

– Под твоими ногами ковер, который куда долговечнее, чем поезд 512. Шерсть, в отличие от этого места, способна отталкивать грязь и восстанавливать свою структуру. Она не способна была бороться, тем более за тебя.

– Адам бол...

– Да? Быть человеком. Но так и не признать себя всего лишь человеком. Люди лишь плод, упавший с дерева, и плод гниет в лучах палящего солнца. Люди бегут от истины. Но им не убежать от слюней гончих псов. Что они возьмут с собой? Ничего! Что ты возьмёшь с собой, кроме имени? Быть человеком? Но так и не признать себя всего лишь человеком. Как только они не пытаются выбраться... Солнце так безмятежно вползает в их пустое утро, где они столетиями делают одно и то же. Убивают и убиваются.

– Мисс delete прочитала все эти книги?

– Такой изумительный стеклянный стеллаж, ты видишь, как на него падает свет? Ещё раз убеждаюсь, что всё ползёт из Греции, когда простор имел значение, дома строились с учётом солнца, а вход в дом разделялся на две половины, мужская и женская. Первая вела к торжествам. Чего, кстати, здесь не хватает. Одна эпоха сменяется другой. Чёртовы изменения формы. Но сколько не экспериментировать, содержание останется прежним. Я даже помню тот день, когда случился первый выстрел. Только подумайте, вполне возможно, мы все знакомы с тех самых времён. Где-то в Китае, за каменными стенами, когда монголы пытались завоевать Азию. Разве ты не думала, куда уходят твои корни?!

– Мне не нужно знать, с чего всё началось. Мне плевать на то, что стало началом. Предыстория человечества – сломанная книжная полка на плечах одного человека. Я просто человек. Я довольствуюсь тем, что ещё рядом...

– Даже райские кущи и тернии ада должны подчиняться правилам. Его правилам. На столе уже нет места. Контракты – никому не нужная формальность, они и без них размножаются, словно бактерии, ничего не ждут, не мечтают, не любят и, самое главное, никогда не подчинятся... Посмотрите, они уродливы. И многие из них больны, неизлечимо больны. Стремление повысить посещаемость хотя бы на тридцать процентов, сам себе менеджер, дилер и сутенер. Я знаю, сколько они освоили профессий за эти столетия. Проклятые грузчики, отрезают себе часть и делают вид, что довольны, перетаскивая остатки души. Сейчас эта планета больше похожа на помойку, чем на цивилизацию.

– Ойбай.

Девушка без имени произнесла эти слова с усмешкой на губах. Её взгляд... будто она знала то, чего не знают другие. Она держала в руке бокал, украшенный страдающими фигурами людей, и наполняла его красным вином, словно их кровью, свет в бокале переливался... Она улыбалась... Ей точно было что праздновать.

Поезд 512 спешит вдаль. Мисс delete, всех, кроме тебя, пронизывает боль, миллионы тончайших игл вонзаются в кожу. Каждый из нас на цепи. Мне нужно выбраться отсюда. Мои попытки объяснить, что я тебя знаю, тщетны. Почему она мне не верит? Все гости мистера смерть уродливы. Это их реальные лица. Лицо – это их душа. Отросшие рога на голове – это не миф, это... Они тебя не нашли, слухи доходят до меня так же быстро, как и звуки хлыста. Моя клетка слишком тесная. Я просто устал... Дождь с улицы 1905-го года скатывается с синих глаз человека. На его ноге красная нить с номером 22. Человек номер 22. Вчера ему пришлось мастурбировать, лишь бы чуть успокоиться. Она говорит «нет» и засыпает, она говорит второй раз «нет» и вновь засыпает, она испытывает гнев, как же это завораживает, и опять засыпает. Человек номер 22 звонит жене и натирает до блеска космос – обычное женское плечо, она опять говорит «нет» и вновь засыпает, она проворачивает его сердце, она так медленно его вытаскивает из груди, это так возбуждает. Музыка рвущегося сердца.

Она она она она она она она.

Это твой сон, мисс delete? Это сон, мисс delete? Или реальность кретина под номером 22? Бесконечный дом, мисс delete. Дом. Дом. Дом. Я украл его для тебя. Я запрятал его в карман, пока он развлекался со сломанными куклами. Теперь ты знаешь, сколько их было... Но ты до сих пор прячешь свою ладонь в его руке... Примирись с памятью! Чтобы ее не потерять, придётся чувствовать и боль тоже! Как и надежда, боль столь же коварна, у неё самые краси-

вые глаза, боль делает судьей, святым и палачом, в итоге посадит на трон и сделает богом. И после мы навсегда прощаемся, потому что ты забудешь, кто ты и куда шла, боль сделала тебя человеком. Что есть любовь. В чем сила этого слова. Нет, мисс delete. К черту. Я просто устал! Мне нужен ответ на другой вопрос. Всего один. Скажи, где именно в доме ты хранишь билеты. Скажи, куда ты их спрятала? Это я украл для тебя дом, который спроектировал твой отец. Бесконечный дом. Бесконечный дом, где никто и никогда не умрет. Ты хочешь обмануть смерть? Значит, тебе придётся вспомнить всё. Вернись в то место, где зародилась идея, но чтобы вернуться с идеей, попробуй не забыть ту самую дорогу. Так любая идея становится планом, безупречным планом. Ты хочешь обмануть смерть, значит, тебе придётся вспомнить всё. Помнить и боль тоже. Одна из легенд предков гласит, в самую долгую и тёмную ночь... Каждую тысячу лет смерть становится человеком. Это и есть любовь? Как ты могла, мисс delete, как ты могла? Всё, что нужно было, это просто вовремя уйти. Я сказал, что приду к твоему дому вечером. Но смотри, во что это превратилось? Они умоляют, они ждут. Каждый из них стоит рядом и трясётся от желания. Кто ты там? Кто ты здесь? Почему ты извиняешься перед ними? Ты не можешь, ты не можешь, хотя бы здесь не глупи. Хотя бы здесь. Запомни через тысячу лет всего одно имя. И смерть будет скулить от жажды. Ойбай? Я знаю, кто она. В отличие от тебя. Как она вытаскивала их из сети и каким-то неслыханным образом превращала в бабочек. Но я-то знаю, куда они летели. Как мне ещё донести. Там слишком жарко, чтобы проросли семена. Невыносимо жарко, чтобы бабочки пролетели хотя бы пару метров. Мне нужны билеты, чтобы выбраться отсюда. Ты хотела стать человеком, но ты ошиблась. Дважды. Ты лишь хранилище памяти. Ты просто ребёнок, что умер, запутавшись в пуповине матери. Освободи меня. Отпусти меня. Я задыхаюсь, я умираю. Я хочу уйти отсюда. Отпусти меня, сука!

Девушка без имени, шепчет мне на ухо:

– Я с тобой закончила.

Всех, кроме тебя, пронизывает боль... Этот поезд спешит вдаль, словно детская игрушка в руках самого милого мальчика. Они все продали душу, но каждую жизнь должны приносить ещё, пополнять копилку. Они толпятся возле его ворот, дабы продлить контракт, но это всего лишь игрушка в руках маленького мальчика. Душа, которую я тоже продал. Контракт, запечатанный кровью. Чёртов сон. Эта сука ничего не может сделать, попытки объяснить, что мы знакомы, тщетны, почему они не верят. Она с ним не встретилась, слухи доходят до меня так же быстро, как и звук хлыста...

– Никогда не забывай, через что ты прошел, придя к тому, что сейчас имеешь. Время просыпаться, мужик.

Я открыл глаза...

Не подходящие по размеру вещи, куртка изношена временем. Сальные, неопрятные волосы, собранные в хвост. За его спиной старая гитара с трещинами и потёртостями. Человек с отрезанным ухом кричит на весь вагон, что лучшее лекарство от душевной боли – массаж конечностей. В нём нет ответов на вопросы: кто он, откуда, зачем, почему. Ему так всё равно, словно безразличие – это живой организм, стекающий по артериям, преобладающий над процессами распада.

– Все мы движемся одной тропой, и ты не исключение, мужик.

– Заткнись!

Отвечаю ему вслед и просыпаюсь. Я на крючке. Время меня удаляет. Время жрет мою душу. Моя запекающаяся кровь в приступе подчинения. Я должен им за то, что это моё. За то, что я родилась в этом мире. Должна всем, кто никогда не будет должен мне. В этом мире нет ничего моего. Ничего. Кроме... Женский голос сообщает название станции. Чёртов сон! Если

следующая остановка – ад, и она там будет, то я выйду на этой станции первым. Все мы живем по одному и тому же сценарию, нет смысла проговаривать его вслух или убеждать кого-то в его наличии. Рано или поздно к твоей голове приставят пистолет, и ты согласишься. Чтобы ты ни выбирал, ты уже выбрал. Средняя Азия, чего ни коснись, истоки всегда ведут туда. Арийская ветвь языков, обработанная химсоставом нашей эпохи, чтобы ни одно слово, как и наше тело, не могло сгнить. Письма ценой 400 лет теперь мои. Как и твоё сердце. Николь Кидман пялится на меня с монитора метро и говорит: «Добро пожаловать в заточенную, подобно отвертке, систему страха, которая с 17 лет вошла под ребро, мы знаем, как её вытащить». Неплохая реклама. Отель для слегка сдвинутых людей! Отель «Смысл обессмыслился». Каждый бездомный может найти здесь приют. Располагайся, скоро подадут горячий обед и цитрусовый напиток. Тебе всё равно некуда спешить, ведь ни ты, ни я не знаем, куда мы движемся, ослепшие и продрогшие в своём незнании, не ищи ни завтра, ни смысл. Но завтра наступает, и основателям отеля «Смысл обессмыслился» приходится менять старых постояльцев на новых, проделывать трюк, зарабатывая гораздо больше на скрытой рекламе отвёрток. Новый тренд. Отвёртки, с которых, как дождь, начнёт капать кровь. Её уже нет, но я ещё помню тепло её рук и аромат духов, смешанный с запахом только что сваренного кофе... Я обхватываю рюкзак и прижимаю как можно крепче к себе. Мы все пытаемся выжать. Жизнь во всепоглощающей бесконечности. Каждого испытывает и пытается страх. Шаг влево, шаг вправо – яма. На голодный желудок фантазии искажают цвет кожи мёртвого человека. Они сделали первый гроб для развлечений, но я не имею к этому отношения, об этом говорят в новостях. Подростки, их стремление к независимости. Хороший похоронный бизнес. Платишь деньги, выбираешь симпатичный гроб, горят свечи, музыканты играют марш, люди плачут, кто-то читает некролог, а ты претворяешься трупом. Кремация здешней реальности, где болезни сгинули прочь, а запах старости будет везде и всегда... смешанный с гарью планеты. Монитор метро... 2 минуты рекламы аэропорта: «Зал ожидания сделан по принципу бионики. Прозрачные потолки, куда проникает солнечный свет, форма интерьера имитирует естественные изгибы природы, а отделка, само собой, выполнена из экологически чистых материалов, благодаря чему человек может остаться здесь навечно вместе с воздушным такси и дроном-курьером. Пропащему здесь предоставляется уютная комната отдыха и бесплатное питание». Управляющий аэропортом разъясняет ситуацию: «Рейс 157 попал в эпицентр интенсивной солнечной бури. На данный момент ведется расследование. Одна из версий случившегося – солнечная буря вызвала сбой в работе систем связи и навигации. Единственная выжившая и тут же пропавшая без вести – Мисс N». Монитор метро... Рейс 157 – русская рулетка, всего один глоток свободы. Очевидец произошедшего раздает комментарии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.